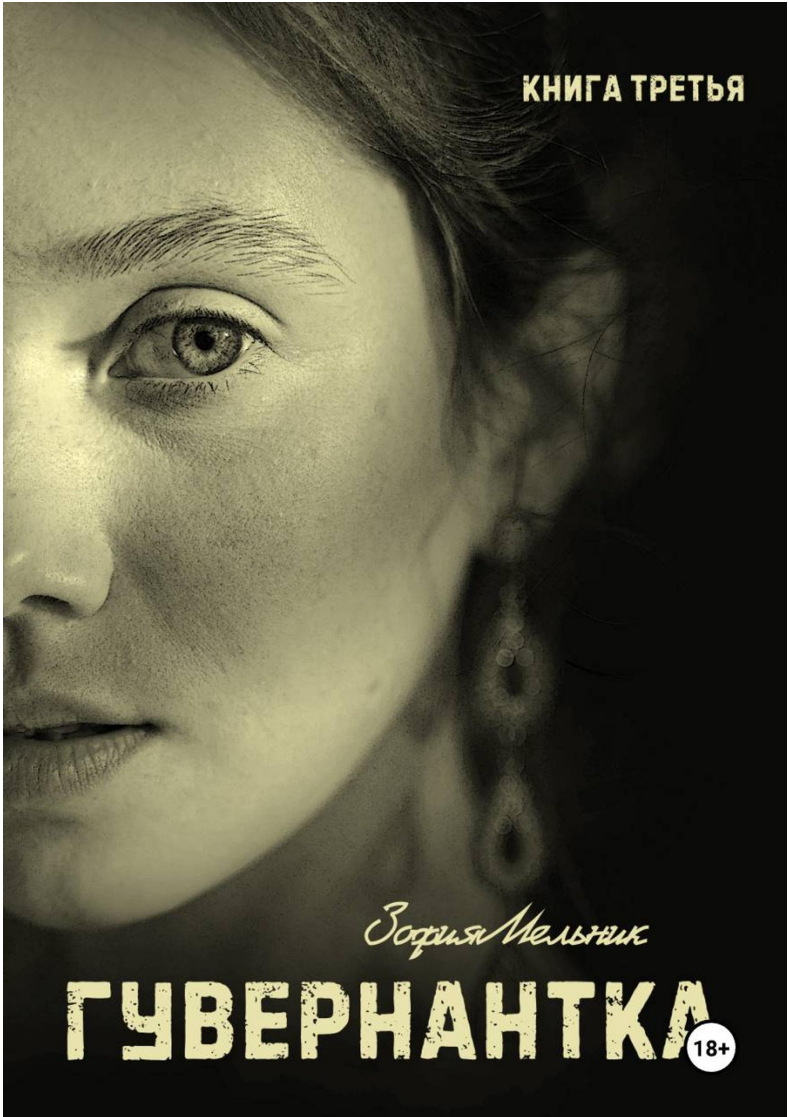

КНИГА ТРЕТЬЯ
Зофия Мельник
ГУВЕРНАНТКА
18+

Зофия Мельник
Гувернантка. Книга третья.

https://litres.ru/74776757
SelfPub; 2026

Аннотация

Исторический любовный роман о флагелляции... Захватывающая история – германские шпионы и тайные общества, гаремы в помещичьих усадьбах и спиритические сеансы. Многочисленные и разнообразные сцены телесных наказаний на фоне пасторальных пейзажей дореволюционной России... Тема мужского и женского доминирования раскрыта через две сюжетные линии. Лиза Колесова после одной нехорошей истории попала под опеку жестокосердечного кузена Григория Ипатовича. А беспутный Арсений Балашов, исчерпав терпение своей тетушки Гликерии Павловны, оказался во власти деспотичной гувернантки... Арсению и Лизе придется вынести мучительные истязания и унижения, прежде чем, судьба повернется к ним светлой стороной. Герои найдут немалую радость в том, что прежде считали страданием.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ 5
ГЛАВА ВТОРАЯ 10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 19
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 28
ГЛАВА ПЯТАЯ 34
ГЛАВА ШЕСТАЯ 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Зофия Мельник
Гувернантка. Книга третья.

Порок рождается от пресыщения.
Маркиз де Сад

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сперва, глядя на обугленные тела своего кузена Григория Ипатовича и его приятеля Максимилиана, лежавшие в высокой траве посреди той окаянной поляны, Лизонька отчего-то сделалась очень спокойной и отрешенной. Оглядевшись по сторонам, она кликнула собаку и пошла по тропинке восвояси в усадьбу Колесовых.

Придя же в усадьбу, барышня почувствовала сильное изнеможение. Она буквально валилась с ног от усталости. Лиза сказала сенным девкам, сидящим по обыкновению на кухне возле самовара, что Григория Ипатовича убило молнией, и ушла в спальню. Скудный серенький свет лился из окошка, Лизу стало знобить, неверными руками она расстегнула пуговицы, бросила плащ на пол и повалилась на кровать. Барышня натянула на себя тяжело пуховое одеяло и провалилась в беспокойное забытье. Ее растолкала Зора. Лиза увидела над собой лицо цыганки сердитое и испуганное разом. Гроза снова заходила, за окном с треском полыхнула молния, и ее холодный белый отсвет озарил спаленку, будто магниевая фотовспышка и отразился в широко распахнутых глазах Зоры.

- Что с Гришей? Говори же, что с ним стало? - спросила цыганка и стала трясти Лизу за плечи.

- Григория убило молнией, - ровным голосом, без всякого

выражения ответила Лизонька. - И Волжина тоже.

- Где он? Где?

Лизонька представила лес, тропинку, вьющуюся промеж еловых стволов, густой древесный сумрак, и вот она уже шла по это тропинке, спешила в Березин, на станцию…

Видя, что у Лизы закрываются глаза, Зора снова ее растолкала.

- Говори, где мой Гриша?

- Там большая поляна будет. Сразу за ельником, - вспомнила Лиза и снова провалилась, будто в трясину, в неспокойный и необоримый сон.

Очнулась Лиза только под вечер. Она чувствовала себя больной и совершенно разбитой. Взглянув за окно, Лиза увидала, что лиловое тусклое солнце вот-вот скроется за стоящим на косогоре лесом. Это солнце отчего-то показалось Лизе страшным. В усадьбе было тихо. Покуда Лиза спала, все гости разъехались, лишь один экипаж с черным лаковым кузовом и колесами с металлическими ободами стоял возле крыльца.

Оправив помявшееся платье и накинув на плечи шаль, барышня прошла в гостиную. Со стола было прибрано, но скатерть не поменяли. Подле стола сидел немолодой уже господин в генеральском парадном мундире. Выражение лица этого господина была кроткое и тихое. Его редкие и сплошь

седые волосы были зачесаны назад.

Оглянувшись на звук шагов, он торопливо затянулся папироской, затушил ее в пепельнице, поднялся и сделал шаг-другой навстречу Лизе. И Лизонька тотчас узнала его - это был Лев Дмитриевич Измайлов, генерал-лейтенант в отставке. Этот господин, к слову сказать, довольно больно высек ее розгами на собрании Клуба давешней ночью.

- Вы очень бледны, - сказал Лев Дмитриевич, прикладываясь к ручке. - Мужайтесь.

Лизонька, вздохнув села к столу. Надо было позвать сенных девок, чтобы те немедля поменяли скатерть, и велеть, чтобы накрывали к ужину. Но Лизоньке совершенно не хотелось есть и не было сил вести с генералом светскую беседу.

- Признаться, мне нездоровится.

- Выражаю вам свои искренние соболезнования.

Лизонька поблагодарила генерала и, почувствовав спиной чей-то взгляд, оглянулась. На пороге гостиной стояла статная, средних лет женщина с миловидным покойным лицом.

- Коли желаете, то я ужин подам, - сказала эта женщина, поклонившись Лизоньке и Льву Дмитриевичу. - И дозвольте, я скатерть переменю.

И только теперь Лизонька разглядела, что правый глаз её был незрячий и мутный…

Глядя как, сноровисто женщина снимает со стола скатерть, Лизонька вспомнила, что видела ее прежде в усадьбе. Эта женщина прибиралась в дальних комнатах, мыла ок-

на, стояла на крыльце неприметная и тихая, прячась в тени от солнечного света. Вот только имени ее Лизонька припомнить никак не могла.

- Я полагал себя близким другом Григория, да-с, - сказал генерал Измайлов. - Помилуй боже, какая нелепая, какая жуткая смерть!... Так вот, сударыня, я задержался в усадьбе оттого, что хотел помочь вам в организации похорон. И я желаю взять на себя все расходы, сопряженные с этим делом. Я поступаю так по велению сердца, в память нашей с Гришей давней дружбы. Но ежели, вы, Лиза, посчитаете, что это неуместно, то я тотчас уеду…

Мысли в голове у Лизы были отчего-то медлительные и неповоротливые. Она переспросила генерала Измайлова, верно ли его поняла. Лев Дмитриевич терпеливо повторил, что желает помочь в организации похорон.

- Не знаю, как вас и благодарить, - сказала барышня. - Я совсем расклеилась. Не представляю, как бы я с этим управилась… Так что же, я велю накрыть к ужину?

- Не извольте беспокоиться. Я уже отобедал и желаю лечь спать пораньше,

- отвечал генерал.

Лиза пожелала Льву Дмитриевичу доброй ночи и осталась сидеть одна за пустым столом. Однако не прошло и десяти минут, как стол был застелен чистой скатертью, а на этой скатерти, будто по-волшебству появился самовар, посуда и какая-то снедь к чаю. За окнами сделалось темно, и женщи-

на принесла зажженную керосиновую лампу и поставила посреди стола.

- А вы, барыня, попейте чаю, вам легче станет, - посоветовала она Лизоньке. - И съешьте что-нибудь. Вот, пряники медовые, а это вот малиновое варенье. Очень вкусное варенье, вы попробуйте.

Лизонька взялась пить чай с вареньем, и будто пришла немного в себя от горячего сладкого чая. А женщина тихо сидела на другой стороне стола и поглядывала с улыбкой то на Лизу, то на темнеющую даль за окном.

- Я отчего-то не могу припомнить, как тебя зовут, - призналась Лиза.

- Меня, барыня, Ефросиньей зовут, - ответила женщина. - Я в прежние времена была в усадьбе ключницей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ко дню похорон Лизонька еще не оправилась и потому помнила все довольно смутно и несвязанно.

Помнила траурный катафалк и дорогу на погост, размокшую от осенних дождей, и глубокие колеи со стоящей в них водою, и опрокинутое страшное небо, с такой быстротой несущееся над церковным шпилем, что у Лизоньки кружилась голова.

Она помнила отпевание в церкви, мглу под каменными сводами, запах ладана и свечного воска и спертый, стоялый воздух. Сумрак в храме был живым, он полнился шорохами, шепотом и дыханием, и в этом загустелом дымном сумраке, будто в темной воде, покачиваясь, теплились огоньки церковных свечек. А Лизоньке все казалось, будто кого-то не достает, будто она о ком-то позабыла, и барышня с тревогой вглядывалась в чужие незнакомые лица, подсвеченные красноватым пламенем свечей, и все силилась вспомнить - о ком она позабыла и никак не могла.

Ей сделалось дурно, и генерал Измайлов вывел барышню из церкви на сырой стылый воздух. Осенний день был тосклив и бесприютен, с низкого неба летела изморось, за голые черные ветви деревьев, стоящих вдоль кладбищенской ограды, цеплялись клочья тумана.

- На вас совсем лица нет, - сказал Лев Дмитриевич.

- Просто душно в церкви, - пожаловалась Лиза и тотчас вспомнила, кого все время искала и не могла найти подле себя. - Лев Дмитриевич, а вы не видали Зору? Куда она подевалась?

Генерал невесело усмехнулся. С печальным и кротким лицом он глядел на пропадающий в мокром тумане погост. У отставного генерала был нос «картошкой» и маленькие круглые глаза.

- С того самого дня, как Гришу убило молнией, никто цыганку не видел, - сказал Лев Дмитриевич. - А вам, Лизавета Марковна, не грех поглядеть, все ли в усадьбе на месте. Ценные бумаги, всякие безделушки… Хотя, что теперь-то, ищи ветра в поле.

Отчего-то Лизонька совершенно не удивилась этой новости, будто ожидала услышать нечто подобное. Зора была частью прежнего мира, и этот мир исчез в одночасье, когда грозовой разряд превратил в обугленную головешку ее кузена Григория Ипатовича Колесова, и теперь Лизу медленно обступала какая-то другая, новая жизнь, и очертания этой жизни пока были едва различимы.

- Я распорядился, чтобы Волжина похоронили по соседству, - негромко сказал Лев Дмитриевич. - Они с Гришей как-никак были дружны.

- А как же родные Максимилиана Александровича?

- Я навел справки, оказывается, он был один-одинешенек. Матушка умерла. А жена от него ушла…

Еще Лизонька помнила две разверстые ямы в земле, и как в эти ямы по очереди спускали гробы. Шел мелкий дождь, Лизе было холодно, будто в груди у нее лежала большая ледышка.

Сразу после похорон, на кладбище Лев Дмитриевич простился с Лизой и отбыл в свое имение, в Епифанский уезд.

Вечером Лиза с Ефросиньей пили в гостиной чай.

- Так ты говорила, что была прежде ключницей? - спросила она Ефросинью. - А отчего Григорий тебя разжаловал?

Ефросинья неловко улыбнулась и зрячим левым глазом стала смотреть мимо Лизы, в темное окно.

- Я, Лизавета Марковна, вела хозяйство справно, при мне в усадьбе порядок был. А потом Григорий Ипатович, царствие ему небесное, привели в дом эту цыганку… Я ничего дурного супротив Зоры сказать не хочу, женщина она неглупая, обстоятельная, только двоим нам было не ужиться. Я, стало быть, отдала ей ключи.

- А отчего же, Фрося, так теперь грязно в усадьбе? Не прибрано, и пыль везде?

- Девки совсем разленились, - вздохнула Ефросинья. - В прежние-то времена, они меня, как огня боялись! Чтобы посреди дня на лавке сидеть да лясы точить, такого в заводе не было... А что на конюшне деется! Старый конюх помер, а молодой, которому Григорий Ипатович лошадей доверили, мало что не шибко умный, да еще и пить взялся.

- Да не уж то? - не поверила Лиза.

- А еще воруют. Все тащат из усадьбы, что плохо лежит.

- Отчего же воруют?

- Воруют потому, что страха нет. Потому, что так человек устроен - не может не воровать.

- И как же быть? - простодушно спросила Лиза.

- Надобно пороть, - сказала Ефросинья. - Пороть, покуда страх сызнова не появится.

- А что же Григорий, порол?

- Сперва Григорий Ипатович хозяйство справно вели. Ежели, кто набедокурит, тотчас секли на конюшне. Порядок был. А после они стали миловаться с цыганкой и на охоту ездить, а на именье и вовсе рукой махнули, - сказала Ефросинья и поджала губы, будто вспомнила старую обиду.

Сама мысль о том, что человека для наказания и вразумления надобно бить розгами была Лизоньке противна, в этом вопросе недавний чувственный опыт никак не Лизу не повлиял. В ее душе будто стояла перегородка, отделяющая то постыдное удовольствие, которое барышня испытывала от унижения и битья, от необходимости наказывать розгами крепостных. Лизоньке живо вспомнилась статья графа Толстого «Стыдно», которую она прочла в «Биржевых Ведомостях», будучи еще совсем юной. Эта статья ужаснула и потрясла барышню до глубины души.

- Нет, Фрося, я пороть никого не стану, - сказала Лизонька твердо.

Она отлучилась из гостиной и вернулась с ключами от всех дверей и навесных замков в усадьбе. Кольцо с ключами она положила на стол подле Ефросиньи.

- Будешь ключницей, - сказала Лиза. - Дело тебе знакомое. Я с хозяйством одна не управлюсь. Мне помощница нужна.

- Это верно, Лизавета Марковна, - согласилась Фрося. - С помощницей всяко легче.

Она помедлила немного, потом как-то нерешительно протянула руку и взяла со стола ключи.

На другой день, ближе к полудню, чтобы не потревожить хозяев слишком рано, но и не так поздно, чтобы оторвать от обеда, в усадьбу приехал стряпчий из нотариальной конторы. Признаться, Лизонька совершенно не запомнила его имени - не то Иван Антонович, а может, Андрей Лукич, или что-то и вовсе совсем другое.

Стряпчий был долговязый и болезненно худой, одетый в узкий, застегнутый на все пуговицы сюртук, и узкие же брючки. Лицо стряпчего тоже было узкое, вытянутое и гладко выбритое, с бледной, зеленоватого оттенка кожей.

Лизонька приняла стряпчего в гостиной.

- Так что у вас за дело ко мне? - поинтересовалась Лиза, едва гость расположился в кресле.

Она по-прежнему хандрила и желала как можно скорее

избавиться от этого господина.

- Ну, как же, Лизавета Марковна, ну, как же, - стряпчий улыбнулся Лизе со всей сердечностью и даже, как будто, подмигнул. - Не далее, как вчера, сам Лев Дмитриевич к нам заезжали, да-с. И Лев Дмитриевич попросили устроить все, как можно скорее, без проволочек. А в нашем деле, знаете ли, проволочки случаются частенько, увы, частенько.

- Я вас вовсе не понимаю, - сказала Лиза, раздражаясь. - О чем идет речь?

- Ну как же, Лизавета Марковна, - стряпчий так удивился, что даже привстал из кресла. - Речь идет о наследовании вами имущества Григория Ипатовича, вашего двоюродного брата. Лев Дмитриевич лично оплатил все издержки и попросил нас уладить все, как можно скорее.

- Так что же, вы знакомы с генералом Измайловым?

- Ну что вы сударыня, я человек маленький, - сказал чиновник и прижал к своей узкой груди бледные руки с длинными костяными пальцами. - Но мне доподлинно известно, кто такой Лев Дмитриевич, да-с, доподлинно... Смею вас заверить, сударыня, пожелание Льва Дмитриевича мы исполнили как нельзя лучше. Ваше дело о наследовании довольно простое, и бумаги уже готовы.

- И что же? - спросила Лизонька.

- Так, вы приезжайте в нотариальную контору, в Березин. Приезжайте завтра же, скажем, после обеда, и дело будет решено. И вы, Лизавета Марковна, незамедлительно вступите

в права наследования. А Льву Дмитриевичу передайте наш нижайший поклон. Да-с… Такой человек, такой человек…

Растрогавшись, стряпчий, достал из кармана сюртука носовой платок и промокнул уголки глаз, а после простился с Лизою.

Этот визит сильно утомил барышню, она легла спать и не вышла к обеду, но вечером проснулась бодрая и полная сил, чего с ней не случалось со смерти Григория Ипатовича.

Пройдясь по усадьбе, Лизонька увидела все то, с чем не желала более мириться - повсюду были грязь и беспорядок.

Сенные девки - рыжая Агафья, похожая на подростка Дуняша и долговязая с рябым лицом Варвара сидели подле самовара на кухне и гоняли чаи. Глядя на девок, Лиза раздумывала, будет ли толк, если велеть им немедля прибраться в усадьбе. Она помнила, как прежде наказывала Агафье сделать то и это, и все её поручения оставались не сделанными, а Агафья, выпучив глазки, стояла перед Лизой и божилась, что барыня ничего такого ей не велели. Никогда прежде в своей жизни Лиза не встречала такой ленивой, наглой и глупой девки…

Толкнув дверь черного хода, Лиза вышла в сад. Вечер стоял погожий и теплый, и Лизонька не торопясь пошла вниз по дорожке мимо яблонек. Дорожка привела ее к старой конюшне. Эта была скучная длинная постройка, сложенная из потемневших от времени бревен. Несмотря на поздний час, ворота конюшни были распахнуты настежь. За конюшней на

огороженном слегами выгоне паслись лошади

Немного помедлив, Лиза зашла в распахнутые ворота и сразу почувствовала запах навоза и резкий аммиачный запах мочи - Ефросинья была права, в конюшне давно не прибирались. Стойла для лошадей, по большей части пустые, пропадали в сумраке. Неяркий свет лился сквозь узкие, пропиленные под кровлей окошки. Возле ворот на сваленной в углу соломе спал и почесывался во сне, будто шелудивый поросенок, конюх Кузьма. Лизонька подошла ближе и отчетливо услыхала крепкий духмяный запах самогона. Пустая бутыль лежала неподалеку, на присыпанном соломой земляном полу.

Ну, хорошо же, подула про себя Лизонька, Григорию видно и правда был недосуг заниматься хозяйством. Но я так жить не стану! Однако за розги браться я тоже не желаю. Нынче двадцатый век, я читала, в Париже метро построили, поезда под землей ходят, а у нас, как при царе Горохе все секут мужиков и солдат. Нет, тут надобно иначе. Надобно пристыдить, отсчитать, а когда уместно, то и доброе слово сказать и наградить.

Ход мыслей казался Лизе верным, но глядя на пьяного конюха, Лиза чувствовала, как в ее душе крепнут сомнения. С одной стороны, дурно бить людей розгами, такое битье унижает саму природу человека, но с другой стороны, подумалось барышне, было бы недурно хорошенько высечь этого самого Кузьму.

Со смутой в душе Лизонька пошла прочь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Промозглым осенним вечером Арсений Захарович Балашов, постукивая тростью по мостовой, шел через привокзальную площадь. Он направлялся к неказистому зданию, прячущемуся за старой липой возле железнодорожных путей. На первом этаже здания находится не то какая-то лавка, не то артель, а весь второй этаж занимал дом терпимости мадам Брюс. Подле упомянутого выше здания, как раз под окнами блудилища, Арсений приметил коляску с поднятым верхом, запряженную двумя жеребцами. Эта коляска, впрочем, как и жеребцы, были хорошо Арсению Захаровичу знакомы. На минувшей неделе он передал сей экипаж вместе с гужевой силой в дар полицейской управы.

Под натянутым от непогоды верхом коляски приставов было не разглядеть, лишь мерцали угольки папиросок. Арсений прошел мимо, поднялся на второй этаж по пристроенной к торцу здания деревянной лестнице, остановился возле дверей и дернул за шнурок. Ожидая, пока отворят, Арсений оглядывал площадь. С одного её краю вечно собиралась большая лужа, и, говорили даже, что в этой луже водятся лягушки. Вкруг площади фасад к фасаду стояли дома, все в два этажа - каменные или сложенные из кирпича, а то и вовсе с почерневшими бревенчатыми стенами. Стоит упомянуть железнодорожные пути, проходящие по краю площади, а так

же здание вокзала, выстроенное в казенном тяжеловесном стиле без всяких колон, картушей и прочих излишеств. В окнах ресторации, расположенной в здании вокзала, уже горели огни. Теплый красноватый свет зажженных ламп, будто масло растекался по округлым бокам самоваров и широким столешницам, отполированным рукавами бесчисленных посетителей. Возле вокзала стояло примерно полдюжины колясок - извозчики дожидались вечернего поезда. От дверей ресторации, держась, рукой за стену, брел пьяный мужичок в одетом набекрень картузе. За мужичком шла хромая собака. Ветер гнал по мостовой палые листья. Небо было сплошь затянуто тучами. Смеркалось.

Арсений стоял на площадке и терпеливо ждал, покуда откроют. Вскоре, за дверью раздались легкие быстрые шаги. Щелкнула задвижка, дверь отворилась, и на пороге Арсений увидел Любочку Собаньскую в коротком, легкомысленного вида сарафане. Любочка была худенькой, невысокого роста, но с пышной грудью. Её светлые, чуть голубоватые глаза слегка косили. Прямые русые волосы, Любочка Собаньская на деревенский манер заплела в косу.

- Ой! Алексей Захарович, это вы! - удивилась куртизанка и отступила в коридор.

- Ну, здравствуй, Любаша, - усмехнулся Арсений.

- А вас не узнать.

- Посетители есть? - спросил Арсений, оглаживая рукой бородку.

Борода была еще куцая, хоть волос рос густо и споро.

- Нет, рано еще.

- Вот и славно, - Арсений Захарович шагнул через порог и притворил за собой дверь. - Вот и славно.

Следом за куртизанкой он прошел по коридору мимо чучела медведя, стоящего на задних ногах. Подле чучела на стене висело овальное зеркало в потемневшей раме. У зеркала Арсений Балашов ненадолго задержался. Он заметно переменился за пару последних месяцев. Скифская лихорадка согнала с него лишний жирок и стерла румянец с лица.

Вступив в права владения тетушкиным наследством, Арсений Захарович первым делом отлучился в столицу - обновить гардероб и постричься. Придя в цирюльню, Арсений не пожелал смазывать волосы маслом и гладко зачесывать назад, как было модно теперь в Санкт-Петербурге. Цирюльник предложил расчесать волосы на прямой пробор, но тоже вышло дурно. Поэтому Арсений Захарович остановился на классической стрижке с боковым пробором, для которой масло не требовалось вовсе, а волосы по бокам стригли коротко.

В столице Арсений прикупил короткое однобортное пальто из шерстяной ткани с саржей, сюртук, брючки темно-красного сукна и английские ботинки из мягкой телячьей кожи, такие ботинки еще называли «оксофорды», а так же пару мягких фетровых шляп и совершенно ненужную трость из палисандра с костяным набалдашником.

Бросив последний взгляд в зеркало, Арсений поправил растрепавшиеся на ветру волосы. В общую залу он заходить не стал, а, раздвинув тяжелые шторы, остановился на пороге.

Час был ранний, и в доме терпимости не было никого кроме трех куртизанок. Мадам Брюс в полупрозрачном кружевном пеньюаре сидела на табурете возле старенького пианино и наигрывала что-то печальное и легкомысленное, без всякого содержания, словом, французское. Авдотья Истомина в белье, черных чулках и наброшенной на плечи вязаной шали, похожей на рыбацкую сеть, расположились на длинном, стоящем вдоль стены диване, с протертой до блеска обивкой. Рядом с диваном на столике стоял самовар, чайные чашки и корзинка с пирожками. У стены промеж окон Арсений приметил «лошадку Беркли», а подле нее - кадку с соленой водой, из которой торчали длинные голые прутья. Тут же на стене висели ремень из свиной кожи, разрезанный вдоль примерно до половины, и тонкий гибкий хлыст, который обычно используют жокеи, чтобы подбадривать лошадей.

Вечер сегодня выдался непогожий, стемнело рано, и шторы на окнах были уже задернуты. Маленькую залу освещало несколько масляных ламп с матерчатыми, винного цвета абажурами.

- Здравствуйте, мадам, - сказал Арсений, переступая через порог. - Здравствуйте, Авдотья Ильинична.

Прасковья Брюс оглянулась и тотчас перестала играть.

- Давненько вы к нам не заглядывали, Арсений Захарович, - она достала из портсигара папироску и принялась вворачивать ее в костяной мундштук.

Тем временем, Арсений снял пальто и шляпу и повесил на оленьи рога в углу залы.

Для посещения блудилища Арсений Захарович вырядился в сюртук темно-красного сукна, прямые брючки и белую рубашку со стоячим воротником. К лацкану сюртука была приколота георгиевская медаль «За храбрость» 4-й степени отчеканенная из серебра. С этой медалью все получилось так скоро, что Арсений признаться растерялся…

Наверное, целую неделю после той катавасии с немецкими шпионками ровным счетом ничего не происходило, но тут в одной уездной газете вышла статья о помещике, который мужественно выдержал истязания и пытки, но не дал украсть чертежи военного аэроплана. А еще через пару дней в именье Балашовых валом повалили журналисты. Сперва Арсений Захарович с большой охотой давал интервью, но вскоре ему это прискучило, и он стал отсиживаться в усадьбе. А в конце недели Арсению нанес визит сам градоначальник Антон Антонович Сквозник-Дмухановский. Антон Антонович сообщил Арсению, что государь император, прослышав о подвиге уездного помещика, велели немедля наградить героя медалью.

Эта новость совершенно не произвела впечатления на Арсения Балашова. Во-первых, он не испытывал патриотиче-

ского трепета в зобу, а во-вторых Арсений попросту городничему не поверил. Однако на другой день случилось нечто совершенно, как говорят, из ряда вон. В усадьбу Арсения Балашова нагрянул сам генерал-губернатор.

Арсений принял генерал-губернатора в гостиной. Сенная девка Ульяна принесла самовар, а стряпуха Матрена по такому случаю напекла пирожков.

Генерал-губернатор выпил чаю и съел пирожок. Генерал-губернатор был краток. Он поблагодарил Арсения Балашова за проявленное мужество и смекалку. Приколол к лацкану медаль и откланялся. Следом за генерал-губернатором окрестности усадьбы покинули журналисты.

- Так проходит земная слава, - сказал тогда Арсений сенной девке Ульяне, глядя с балкона на опустевшую подъездную аллею…

В доме терпимости между тем сделалось совсем тихо, было слышно, как на площади лениво переругиваются извозчики.

- Любаша, ступай, погаси над дверью фонарь и запри на щеколду, - велела Прасковья Брюс.

Любаша Собаньская будто хотела сказать что-то, но не решалась и молча вышла.

- Ты это чего удумала? - спросила Авдотья Истомина, прихлебывая чай из блюдца.

С собранными в пучок волосами и раскрасневшимся округлым лицом, Авдотья походила на купчиху.

- А так и понимай, что работать сегодня не будем, - ответила мадам Брюс. - Арсений Захарович к нам по делу пришли, не иначе.

Мадам не спеша прошла по зале, держа на отлете мундштук с чадящей папироской. Остановившись подле окна, она сдвинула гардину в сторону.

- Ишь, птица какая! Цельный генерал не иначе, - сказала Авдотья, поглядывая на Арсения исподлобья. - А по мне, как был непутевый мальчишка, таким и остался. Может, Арсений Захарович желают снова на «лошадке» прокатиться? Так я подсоблю.

Стоя посреди залы, Арсений разглядывал эту приземистую, крепко сбитую женщину - ее широкие бедра, полные, затянутые в черные чулки ноги, это недоброе, раскрасневшееся от чая, лицо, и ему живо вспомнилось, как Авдотья Истомина драла его розгами, а он стоял голышом, пристегнутый к «лошадке». Мало того, что Авдотья секла его со всей силы, так она еще нарочно выбрала березовый прут потолще! Вытерпеть эту порку у Арсения Балашова не было никаких сил. И до того было обидно и больно, что он не мог сдержать слез. Арсений помнил, как умолял Авдотью Ильиничну сжалиться, и только потом догадался, что экзекуция доставляет куртизанке немалое удовольствие. Глаза Авдотьи маслянисто блестели, а ее широкое грубое лицо будто светилось изнутри. Она походила на кота, съевшего миску жирной сметаны. Арсению тогда подумалось, что будь ее воля,

Авдотья Ильинична засекла бы его до потери сознания…

- Арсений Захарович, а вы часом не знаете, что это за коляска стоит у нас под окнами? - спросила мадам Брюс.

Арсений Балашов тоже подошел к окну и взглянул через плечо мадам на улицу. От Прасковьи волнительно пахло горькими духами и табаком. Её русые, пшеничного оттенка волосы, были, как и прежде, острижены коротко - а-ля гарсон.

- Это, верно, полицейские приставы, - сказал Арсений.

- Ах, Арсений Захарович, - вздохнула Прасковья.

- Мадам, поверьте, я хочу все решить по справедливости. По-свойски. Но, я полагаю, что Авдотья Ильинична, станет артачиться.

Мадам Брюс, не спуская с Арсения задумчивого взгляда, затянулась папироской.

- Да, разумеется, мы обошлись с вами несправедливо. И теперь вы решили расквитаться, - сказала она негромко. - Это я понимаю.

- О чем это вы там шепчетесь? - раздраженно спросила Авдотья Истомина, но куртизанке никто не ответил.

- Касательно приставов, - продолжал Арсений. - Я, как частное лицо сделал несколько пожертвований. Одно - полицейской управе, другое - судейской коллегии. Еще, кажется, попечительскому совету… Да, я всего и не упомню. Так по мелочи, коляску, пару жеребцов. Или вот, мастеров нанял, чтобы крышу в судебном зале почини, а то сейчас дожди за-

рядят, да-с…

Мадам Брюс внимательно слушала Арсения, сжимая зубами костяной мундштук. Её лицо было безмятежно, на губах играла улыбка.

- Теперь вот, градоначальник из кожи вон лезет, чтобы как-то мне услужить. Мадам, мне самому уже неловко, - развел руками Арсений Захарович.

Прасковья засмеялась и принялась хлопать в ладоши.

- Браво, - сказала она. - Браво! Быстро же вы освоились. Кстати, в городе только и разговоров, что о вас и сказочном тетушкином наследстве.

- Признаюсь, я не в курсе здешних слухов, - ответил Арсений. - Но скажу так, наследство оказалось куда больше, чем я ожидал.

- А еще вы герой отечества? - улыбнулась мадам и коснулась указательным пальцем серебряной медальки на лацкане сюртука.

- Я и сам не знаю, как это вышло, - признался Арсений.

Он отошел от окна и опустился на стул с высокой спинкой стоящий подле «лошадки». Арсений Захарович чувствовал нервическую дрожь во всем теле, и по этой дрожи угадывал приближение приступа лихорадки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Покуда по железной дороге, под окнами дома терпимости шел грузовой состав, Арсений задумчиво разглядывал лошадку Беркли. Больше всего «лошадка» походила на стремянку немногим выше человеческого роста. С одной стороны «стремянка» была обшита мягким и плотным сукном. В суконном полотнище было прорезано два овальных отверстия, одно - посредине, другое - на самом верху. К деревянной стойке были прибиты кожаные ремешки с пряжками.

- А сукно-то истерлось, - заметил Арсений, когда стук колес стал затихать вдали. - Не уж то в нашей провинции «лошадка» пользуется таким спросом?

- Ах, Арсений Захарович, вы и представить себе не можете, как много людей

желают, чтобы их высекли розгами, - ответила Прасковья Брюс. - Как говориться, охота пуще неволи. К нам приходят студенты и солидные господа в летах, приходят девицы и замужние дамы. Эта «лошадка» многое чего повидала.

- Стало быть, у вас недурно идут дела. Что ж, я рад, - сказал Арсений и пристально взглянул на мадам.

Прасковья пожала плечами.

- Я знаю, Арсений Захарович, что по отношению к вам поступила нечестно и дурно, - призналась она. - Но я полагала, что хорошая порка только пойдет вам на пользу. И

потом, ваша гувернантка, мадмуазель Делару умеет убеждать… Неужели всему виной была моя жадность? Да, вышло нехорошо… Вы, стало быть, желаете расквитаться?

- Именно так, мадам, - ответил Арсений.

Мадам Брюс затянулась последний раз, потушила папироску и не торопясь подошла к «лошадке». Она развязала поясок, сделала плавное движение плечами, и кружевной пеньюар соскользнул с ее плеч.

- И мадам, будете любезны, панталоны, - велел Арсений. - А это оставьте… Да, так будет хорошо.

- Как скажите, Арсений Захарович.

Сперва Прасковья сбросила с ног «турецкие» туфельки без задников, а после чрезвычайно ловко избавилась от шелковых панталон, пошитых по последней моде, причем Арсению показалось, что панталоны сами собой съехали на дощатый пол по ее стройным ножкам.

Оставшись в бюстгальтере цвета топленого молока, Прасковья Брюс перешагнула через лежащее на полу белье, подошла к «лошадке» и, чуть помедлив, взялась руками за массивные деревянные стойки и прижилась грудью к полотну.

Арсений, сидя поодаль на стуле с высокой спинкой, самым внимательным образом разглядывал обнаженное стройное тело Прасковьи. Его взгляд медленно скользил от пяток и тонких щиколоток, вверх по гладким икрам, по ляжкам, по округлой маленькой заднице, по изогнутой гибкой спине и хрупким плечам мадам.

- Вам боязно?

- Признаться, немного боязно, - засмеялась Прасковья. - Я уже позабыла, каково это.

- Смею вас заверить, розги оставляют весьма яркие впечатления. Бодрит. В голове делается необычайно ясно. Ну, впрочем, вы сейчас вспомните.

Арсений поднялся, выудил из кадки очищенный от листьев березовый прут и пропустил его через кулак, проверяя нет ли заломов. Но прут был хорош - длинный и гладкий, не слишком толст, но и не тонок.

- Розги свежие? - спросил Арсений скорее для порядка.

- Свежие, - ответила Любочка Собаньская. - Вчерашние все поломались. Эти я сегодня за станцией нарезала.

Любочка опустилась на корточки возле лошадки и хотела пристегнуть ремешками щиколотки мадам к деревянным стойкам.

- Нет, Любаша не пристегивай, - сказала Прасковья. - В этом нет нужды.

Авдотья Истомина, напившись чая, курила папироску. Она не сводила с Арсения взгляда, её глаза недобро поблескивали сквозь сизый табачный дымок.

Меж тем, Арсений Захарович с прутом в руке встал возле «лошадки». Он никак не мог отвести взгляда от голых беззащитных ягодиц и все медлил и помахивал в воздухе прутом.

. - Ну, же, Арсений Захарович, не тяните, - попросила его мадам.

- Воля ваша, мадам.

Арсений взмахнул на пробу прутом, а после примерился и хлестнул наискосок по маленьким крепким ягодицам Прасковьи. Тонкие пальцы мадам крепко сжали деревянные стойки. Её стройное нагое тело изогнулось, прижимаясь к натянутому промеж стоек темному сукну.

- Ах, - едва слышно выдохнула Прасковья.

Арсений не торопясь сосчитал до десяти, чтобы боль от удара прутом немного погасла…

Сколько раз Арсений Захарович представлял себе, как расквитается с мадам Брюс и Авдотьей Истоминой! Как же горько и обидно было Арсению в первые дни после той жестокой несправедливой порки, которую устроили ему куртизанки по наущению Жанны Егоровны. Он помнил, как валялся в спальне со свинцовыми компрессами на исхлестанных до крови ягодицах. Он глядел за окно на застывшие в небе летние облака и обещал себе, что не забудет эту обиду и непременно сквитается.

И теперь этот день пришел.

Закусив губу, Арсений отвел руку назад и хлестнул Прасковью Брюс березовым прутом раз и другой. И тотчас две тонкие лиловые полоски вспухли на белой коже. У Арсения вспотели ладони, и стало звенеть в голове. Свет в масляных лампах как будто сделался ярче.

Он старался не частить. Он помнил, как в тот летний вечер мадам Брюс стегала его розгой не в полную силу и от-

считала всего-то два десятка. Арсений хотел поступить с ней справедливо.

Прасковья Брюс терпела побои молча и лишь раз, когда розга впивалась в ее голые плечи, мадам коротко вскрикнула.

- Ох, как же жжется! - пожаловалась Арсению Прасковья Брюс и переступила с ноги на ногу.

Арсений стегал куртизанку прутом, чувствуя азарт и растущее возбуждение. Пару раз он хлестнул Прасковью по пояснице, зная, как это больно. Прасковья зашипела сквозь сжатые зубы и стала тереться бедрами о сукно. Арсению сделалось жарко, ему стало казаться, что в зале нечем дышать.

Он снова хлестнул по округлым, сжавшимся ягодицам, и еще одна тонкая изогнутая полоска вспухала на белой коже, пересекая потемневшие, налившиеся кровью отметины.

Два десятка…

Арсений утер со лба выступивший пот. Березовый, вымоченный в соленой воде прут, мелко дрожал в его руке.

- Полагаю, мы в расчете, мадам, - сказал Арсений и бросил на пол измочаленную розгу.

Прасковья Брюс вздохнула. Она перестала держаться руками за деревянные стойки и отступила от «лошадки». Тонкими пальцами мадам коснулась следов от розог, оставшихся на ягодицах, и оглянулась на Арсения.

- Это было изумительно, Арсений Захарович, - сказала Прасковья, ее лицо сделалось румяным, глаза ярко блестели.

- Вы правы, это бодрит. И в голове становится необычайно ясно. Я бы сказала, розги возвращают вкус к жизни.

Любаша набросила на плечи мадам кружевной пеньюар.

- Надеюсь, мы останемся друзьями, мадам, - с улыбкой сказал Арсений и обернулся к Истоминой. - Авдотья Ильинична, теперь ваш черед.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Авдотья Истомина держа папироску на отлете, насмешливо смотрела на Арсения.

- Чтобы какой-то мальчишка меня высек? Да не бывать этому ни в жисть. Такое мое последнее слово.

Арсений покивал головой, будто соглашаясь с куртизанкой. Не торопясь он снял сюртук и повесил на спинку стула. В приглушенном свете масляных ламп было видно, как блестит испарина у него на висках.

- Любаша, будь добра, открой окошко, - просил Арсений. - А то здесь дышать нечем.

Любочка пройдя через залу, сдвинула в сторону тяжелую гардину и, щелкнув шпингалетом, отворила оконную раму.

- Досенька, а ведь вы меня терпеть не можете, - сказал Арсений миролюбиво. - Ну, насильно, как говориться, мил не будешь. Ступайте уже к «лошадке», не упрямьтесь.

- Не бывать этому, - твердо ответила Авдотья. - Может я не шибко умная и грамотная, но я женщина гордая. И честная.

- Ой ли? - деланно удивился Арсений.

- Дося, послушай моего доброго совета. Не упрямься, - посоветовала мадам Брюс.

С костяным мундштуком в руке, она опустилась на табурет подле пианино. Повертелась немного, усаживаясь, по-

том с обиженным лицом ушла в альков и вскоре вернулась с небольшой пуховой подушкой.

- Авдотья Ильинична, вы находитесь в очень уязвимом положении, - заметил Арсений. - Вся ваша жизнь, уж какая ни есть, может пойти псу под хвост из-за этого глупого упрямства. Имейте мужество признаться - вы поступили со мной подло. Опоили до беспамятства, а после высекли, как мальчишку. И вы, Авдотья Ильинична, излишне усердствовали в тот раз. Я ничего не забыл. И спускать вам ничего не намерен.

- Нет, этому не бывать, - не очень уверенно сказала Авдотья.

- Мне доподлинно известно, что вы обираете клиентов, - продолжал Арсений скучливым голосом. - Скандал, случившийся в прошлом году с купеческим сынком, удалось замять. Но покровитель мадам Брюс скоропостижно скончался, а дело ваше просто лежит в архиве, и дать ему ход ничего не стоит. Речь не много ни мало идет о каторге.

- Откуда вы знаете, что умер мой старинный друг? - удивленно спросила Прасковья.

- Я навел справки, - ответил Арсений. - Этот разговор сейчас не ко времени, но как знать, мадам, может, я стану вашим покровителем… Авдотья Ильинична, так, что же? Желаете на каторгу? Воля ваша. Любаша, будь добра, там, у крыльца стоит коляска. Так ты спустись и скажи приставам.

- Арсений Захарович, постойте, - попросила севшим го-

лосом куртизанка.

- И что же?

Авдотья Истомина, опустив очи долу, быстро подошла к «лошадке» и принялась стаскивать с плеч вязаную шаль.

- Нет, голубушка, не так скоро, - покачал головой Арсений. - Я желаю, чтобы вы повинились. Ну же?

Взглянув на Арсения исподлобья, Авдотья Истомина сказала, будто через силу,

- Я обошлась с вами не по совести, Арсений Захарович.

- Так-так, - кивнул Арсений. - Ну же, я жду!

Но куртизанка шевелила губами, будто рыба и не говорила ни слова. От напряжения лицо у нее налилось кровью и сделалось цветом, словно вареная свекла.

Арсений вздохнул.

- Ну же, повторяете за мной. Арсений Захарович, миленький, я вас умоляю, высеките меня розгами хорошенько. Нус?... Да, что с вами, Авдотья Ильинична, вы, язык проглотили?... Довольно, у меня кончилось терпение. Любаша, ступайте уже!

- Упрямая дура, - заметила мадам Брюс, разглядывая разводы на потолке.

Раздвинув занавески, Любаша вышла в коридор. В наступившей тишине были слышны ее легкие быстрые шаги, потом щелкнула задвижка на двери.

- Арсений Захарович… я сильно провинилась перед вами, - сказала, запинаясь, Авдотья Истомина, все так же, не глядя

на Арсения. - Я очень вас прошу, высеките меня розгами.

Прежде, чем Арсений взялся за розги, в куртизанке будто уже сломалось что-то.

Покуда Авдотья Истомина стаскивала с широких бедер старомодные батистовые панталоны с кружевами, покуда высвобождала тяжелые груди из чашек бюстгальтера, покуда Любочка Собаньская пристегивала ее крепкие щиколотки и запястья к деревянным стойкам «лошадки», а после, пристегнув, взялась затягивать поперек поясницы куртизанки другой ремешок пошире, лицо Авдотьи Истоминой разительно переменилось - оно сделалось растерянным и задумчивым, а в глазах проступила невиданная прежде тоска.

- Мадам, вас не затруднит сыграть нам Дебюсси или что-нибудь еще, на ваш вкус, - обратился Арсений к Прасковье.

- Вы полагаете, в музыке будет нужда?

- Может статься.

Арсений принялся выбирать из кадки годный березовый прут. Наконец, он нашел толстую розгу и несколько раз на пробу хлестнул ей по воздуху.

- Ох, - вздохнула Любаша и тут же прикрыла ладошкой рот.

Молоденькая куртизанка сидела на диване в своем коротком сарафанчике с лентами, чинно сложив на коленях ру-

ки. Любочка Собаньская казалось взволнованной, ее глаза азартно блестели.

Мадам Брюс устроилась на табурете, подложив для мягкости пуховую подушку, и наигрывала что-то легкомысленное и печальное, словом, французское.

- А помните, Авдотья Ильинична, как вы в тот раз сказали? - спросил, улыбаясь, Арсений. - Когда для пользы секут - розог не жалеют.

Авдотья промолчала. Она стояла нагая, пристегнутая ремешками к «лошадке», прижавшись всем своим плотно сбитым телом к сукну. Арсений, меж тем, прохаживался у нее за спиною и разглядывал толстые ляжки и массивные слегка оплывшие ягодицы куртизанки.

- Подумаешь, какая невидаль, высекли? Помните, как вы говорили?

Но Авдотья и в этот раз не ответила, и тогда Арсений хлестнул куртизанку прутом.

Вымоченный в соленой воде березовый прут рассек воздух, изогнулся и с треском лег поперек беззащитных голых ягодиц. Авдотья сдержала крик. Куртизанка дернулась всем телом, и кожаные ремешки, которыми Любаша пристегнула её к «лошадке» натянулись, впиваясь в запястья и щиколотки Авдотьи.

Арсений усмехнулся, огладил рукой бородку, постоял, послушал сентиментальную канитель, которую наигрывала на пианино мадам Брюс, и принялся не торопясь со всей силы

пороть куртизанку розгой. Березовый прет прут изгибался, и с каким-то мясистым трескучим звуком раз за разом впивался в белую кожу и упруго пружинил в его руке. Арсений Балашов не позабыл, как чудным летним вечером, в июле месяце Авдотья Истомина обошлась с ним без всякого снисхождения. Пришел час отмщение, и это отмщение было волнительным и сладким.

- Вот так, Авдотья Ильинична… Вот так, - приговаривал Арсений Захарович, охаживая куртизанку прутом. - Уф… Хороших розог нарезала Любаша…

По широким рыхлым ягодицам Авдотьи после каждого удара розгой будто проходила рябь. Не отрывая глаз, Арсений следил, как ягодицы куртизанки подергиваются от боли и поджимаются, и от этого зрелища ему делалось необычайно радостно и легко на душе. Он стал проваливаться в какое-то забытье, и вот Любаша, и мадам Брюс, и стоящая подле «лошадки» Авдотья - все они куда-то пропали, и дом терпимости тоже пропал, будто его и не бывало, и весь этот городок, похожий на большое село, окруженный болотами и лесами, тонущий в непогожих осенний сумерках, тоже сгинул куда-то, и не осталось ничего кроме неяркого покойного света, льющего со всех сторон…

- Ай!!! Да что же это, мука какая! - кричала в голос Авдотья и извивалась на «лошадке» и силилась высвободить руки из ременных петель. - Арсений Захарович, миленький… Арсений Захарович, пожалейте! Довольно уже…

Придя в себя, Арсений опустил измочаленную розгу. Он запыхался, покуда порол куртизанку, а еще ныло запястье - не иначе, растянул.

Взглянув на исхлестанные в кровь ягодицы, Арсений пытался прикинуть, сколько же он всыпал Авдотье розог. На рыхлой мясистой заднице куртизанки живого места не было.

- Арсений Захарович, миленький! Довольно! Сжальтесь! Я все уразумела… Я все, что скажите… - никак не унималась Авдотья.

- Ну, будет, будет, - поморщился Арсений. - Можно подумать, конец света.

Он устало опустился на стул, порылся в карманах сюртука, нашел склянку с хинином и, поморщившись, насыпал порошка на язык. Из другого кармана Арсений достал фляжку и запил хинин Шустовским, пятилетней выдержки, коньяком.

Пристегнутая к «лошадке» Авдотья, глядела на Арсения с отчаянием и мольбой. У куртизанки было мокрое от слез лицо, сажа, которой она подводила веки, расплылась вокруг глаз. Её полные покатые плечи, исхлестанные розгами, блестели от пота.

- Скажите, дорогие дамы, надо полагать, вы все забавляетесь с «лошадкой»? - спросил Арсений, чувствуя, как мягко провалился в желудок густой жар коньяка.

- Ах, это вовсе не забава, - ответила мадам Брюс. - Нужно как-то зарабатывать хлеб насущный.

- Ну, разумеется, разумеется… Я просто хотел полюбопытствовать. Вот, к примеру, вы мадам? У вас же есть привычная роль?

- Вы о флагелляции? - несколько удивленно переспросила его Прасковья.

- Да, я про порку.

- Обыкновенно дамы и господа желают, чтобы я их высекла. Стоит сказать, я недурно управляюсь с розгами.

- Так я и полагал, - кивнул Арсений. - А Любочка?

- А вот Любаша завсегда оказывается у «лошадки». Уж больно много желающих высечь ее прутом. Всякий день ходит с поротой задницей. На одни мази, да свинцовые компрессы уйма денег уходит. Сдается мне, у девчонки к этому делу талант…

- А что же Авдотья Ильинична? Нет, дайте угадаю… Авдотья Ильинична, надо полагать, все больше сечет розгами?

- Так и есть, - согласилась мадам. - Я и не припомню, чтобы Дося, сама оказалась у «лошадки».

- Нет, так не годится, - заметил Арсений. - Вам, Авдотья Ильинична, знаете ли, следует взглянуть на это занятие с другой стороны. Вы верно и позабыли уже, каково это, когда вас секут. Ну, теперь, полагаю, вспомнили?

- Вспомнила, Арсений Захарович. Все вспомнила, век не забуду, - тотчас согласилась Авдотья и всхлипнула.

У куртизанки дрожали губы, она изо всех сил сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

Арсений кивнул Любаши, та подошла к «лошадке» и принялась отстегивать кожаные ремешки.

- Я полагаю, мы с вами в расчете, Авдотья Ильинична, - сказал Арсений. - Я на вас зла не держу.

- Как скажите, Арсений Захарович, - смиренно ответила Авдотья.

- Пойдем, Досенька. Надобно к поротым местам свинцовые компрессы приложить, а то, такая мука, - сказала мадам Брюс и, обняв куртизанку за плечи, повела её прочь из залы.

Арсений собирался уже уйти, час был поздний, да и приступ лихорадки лучше было переждать дома, в кровати. Он чувствовал себя измотанным и опустошенным.

Но, тут Любаша Собаньская подбежала, опустилась на колени подле стула и, глядя снизу вверх на Арсения своими раскосыми шальными глазами, протянула ему ремень из свиной кожи, который прежде висел на крючке подле «лошадки».

- Арсений Захарович, я перед вами виновата! Так виновата! - сказала Любаша, торопясь и запинаясь от волнения. - Помните, летом, когда вас опоили, а после высекли, так это я! Это я насыпала порошок в бутылку с вином. Я потешалась над вами! Я не меньше Авдотьи виновата!

- Любаша, бога ради, уймись, - сказал Арсений.

- Нет, нет, я виновата, - стала горячиться куртизанка. - Это правда!

Я вас умоляю, Арсений Захарович, высеките меня!

И Любаша Собаньская принялась с пылом целовать новенькие ботинки Арсения из телячьей кожи.

- Только вы меня не жалейте, - шептала Любочка. - Я такая дрянная, такая порочная! У меня мысли гадкие… Меня непременно нужно пороть…

Но Арсению уже надоел этот цирк, да и сил попросту не было. Нужно было немедля бежать.

- Встань дитя мое. Ты ни в чем не виновата, - сказал Арсений и, отстранив Любашу, поднялся со стула.

Он торопливо надел сюртук, набросил на плечи пальто, снял с вешалки фетровую шляпу. Раздвинув шторки, Арсений быстро прошел по коридору мимо чучела медведя, толкнул дверь и вышел на улицу в непогожую осеннюю мглу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На другой день Лиза собралась ехать в Березин. Кузьме, который был в поместье и за конюха и за возницу, было велено одеться прилично. Сенные девки нарядили кучера в старомодный сюртук с фалдами, который верно хранился в чулане со времен нашествия Наполеона. Сюртук был неношеный, но порядком траченный молью и смотрелся на Кузьме, как на пугале.

Тут, вероятно, следует описать этого Кузьму. Ну что же, извольте. Кузьма был худощавый, жилистый, на голову выше Лизоньки и немного смахивал на цыгана. На вид Лиза дала бы ему лет двадцать пять. Лицо у Кузьмы было смуглое, скуластое, а брови - кустистые и черные. Его смоляные, вьющиеся мелким бесом, кудри давно были не стрижены. В волосах у Кузьмы вечно торчала солома, потому что он обленился дальше некуда и день-деньской валялся на сеновале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.